

## **ОТЗЫВ**

**официального оппонента на диссертацию Ли Дунсинь  
«Восприятие вдовствующей императрицы Цыси в общественном  
мнении России в конце XIX – начале XX века»,  
представленную на соискание учёной степени кандидата  
исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история**

Тема диссертации находится в популярном в последние десятилетия исследовательском тренде «образ иного». В частности, большой интерес вызывают представления о странах Азии, формировавшиеся в Российской империи и СССР, среди которых доминирующие места занимают Япония и Китай. Также немало работ в последние годы посвящено изучению русскоязычной печати о Китае (известная Ли Дунсинь монография и докторская диссертация Ю.Г. Благодер и др.). В этом огромном пласте информации автор сконцентрировала внимание на образе последней китайской императрицы Цыси. У любого непосвящённого читателя возникает почти произвольно вопрос: знал ли вообще русский читатель о существовании Цыси? Оказывается, знал, причем немало, хотя сведения эти не отличались точностью. Диссертантка попыталась решить эту проблему, сопоставив реальные факты из её жизни и сведения современников с тем, какая информация о правительнице Поднебесной империи циркулировала в русскоязычных статьях, появившихся в основном при её жизни.

Несмотря на кажущуюся простоту, решение этой задачи потребовало от автора серьёзной источниковедческой работы. Если для установления точных деталей из биографии Цыси диссертантка использовала китайские документы (в том числе из Первого исторического архива Китая в Пекине) и исследовательскую литературу, то для изучения того, как создавался образ Цыси в России, нужно было выбрать необходимые источники. Ли Дунсинь понимает, что общественное мнение в России эпохи поздней империи формировали газеты и журналы. Нужно также сразу подчеркнуть, что единое

мнение в российской прессе практически по любым вопросам искать бесполезно: и образованное общество, и население в целом уже раскололись в своих оценках на различные политические лагеря, соответственно, зачастую взгляды их определялись не столько имеющейся информацией, сколько партийными пристрастиями. Поэтому приоритеты диссертантки при выборе печатных изданий для её исследования выглядят обоснованными. В тексте диссертации и списке использованных периодических изданий представлены как внепартийные и самые популярные из уважаемых изданий газеты («Новое время», чей тираж на рубеже XIX–XX веков приближался к 100 000 экземпляров, а также «Биржевые ведомости»), так и более локализованные по читательскому охвату издания, которые объединяет интерес к Китаю («Санкт-Петербургские ведомости» во главе с главным «певцом Востока» в России князем Э.Э. Ухтомским или главная для пограничного с Китаем региона газета «Амурские ведомости»). Есть и небольшая линейка «партийных изданий», но их подбор вызывает вопросы. Да, в ней представлены «Московские ведомости» как наиболее уважаемое правое издание, а также близкий к ней журнал «Русский вестник» (упомянутая в библиографии газета под таким же названием (с. 193) – явная опечатка), но вот от имени либеральной печати слово дано лишь «Вестнику Европы». Однако в России существовала и другая, весьма многочисленная и авторитетная, либеральная печать (например, орган кадетской партии газета «Речь»), а также неподцензурные издания (достаточно указать на такие популярные из них, как журнал «Освобождение» или газету «Искра» и т.д., книга Рустам-Бек Тагеева Б.Л. «Царские опричники...»). Вряд ли их мнение о китайской императрице полностью совпадало с тем, что предлагали своим читателям правые издания.

Большое место в диссертации уделено выявлению той информации, которая вообще имелась в России о Цыси. Здесь Ли Дунсинь провела масштабный поиск сведений в бумагах российских дипломатов (переписка,



записки и т.п.), которые отложились в фондах Архива внешней политики Российской империи (с. 7, 23–25). Выявление и анализ этих материалов представляют несомненный исследовательский интерес, но они с трудом втискиваются в тему диссертационного исследования, так как эти документы в подавляющем большинстве были совершенно не известны современникам (вопреки неосторожному заявлению диссертантки на с. 31). «С трудом» – потому что имеется единственный эпизод, когда часть этих источников (прежде всего в виде дневников и воспоминаний) выплеснулась в печать по горячим следам восстания ихэтуаней (в основном это 1900–1901 гг. – дневники и мемуары Д.Д. Покотилова, Д.М. Позднеева и др.). Кроме этого, вне внимания автора оказались документы, исходившие от других представителей России в Китае. Это прежде всего агенты Министерства финансов и военные атташе. Хранящиеся в других архивах (РГИА, РГВИА), они, разумеется, не могут содержать значительную информацию о Цыси, но у этих людей были и иные, по сравнению с дипломатами, источники информации. К сожалению, она также не была доступна интересу современников, хотя некоторые их отчёты публиковались в ряде ведомственных, закрытых для широкой публики, изданий (разные сборники консульских донесений, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии и т.д.).

Поэтому сведения, которые можно обнаружить в российской периодике, о Китае и императрице Цыси в подавляющем большинстве представляли собой переводы статей из иностранной прессы и телеграммы информационных агентств. Причина была проста: ни одна из русских газет не имела в Китае своего корреспондента. Исключением можно считать лишь журнал «Китайский благовестник» – орган Пекинской духовной миссии, издававшийся в Китае на русском языке, но тираж и распространение этого издания были минимальны. Ли Дунсинь, как можно косвенно понять из текста диссертации, это обстоятельство известно (на с. 118 ей сделано точное

и важное для исследования наблюдение, что, перепечатывая иностранные материалы, русские авторы далеко не всегда соглашались с их мнениями).

Обозначенные хронологические рамки диссертации – с 1890-х гг. (когда Ли Дунсинь фиксирует интерес российского общества к Цыси в связи с резкой активизацией Петербурга в регионе – с. 67) по «канун» Первой мировой войны – в целом не вызывают вопросов, но, как представляется, «канун» мировой войны никак не привязан к формированию образа китайской императрицы. Возможно, за такое событие следовало бы взять Синьхайскую революцию 1911–1913 гг., которая вызвала всплеск интереса в России к китайским событиям и, в частности, к личностям правителей Китая. Тем не менее, первая глава диссертации (с. 36–67), в которой речь идёт о возвышении Цыси исключительно по китайским источникам, выходит за хронологические рамки, заявленные в исследовании, так как в ней говорили о событиях середины и второй половины XIX в.

В диссертации начиная со второй главы (с. 68–108) с опорой на китайские источники и современную историографию Цыси представлена как осторожная сторонница реформ, стремившаяся к технологической модернизации Китая при сохранении его устоев и традиций (с. 31). Это представление отличается от российского образа Цыси, в котором подчёркивались её склонность к консерватизму и противостояние чрезмерным нововведениям. Отмечая, что Цыси «вначале одобряла реформы» Кан Ювэя (с. 83), автор сближает императрицу с ним и императором Гуансюем, что с трудом примиряется с четвёртым положением, вынесенным на защиту, так как в случае с Кан Ювэем речь шла явно не о технических заимствованиях, а о серьёзных переменах в управлении. Также эта оценка вступает в некоторое противоречие с внешнеполитической ориентацией различных группировок в Китае. Ли Дунсинь совершенно справедливо отмечает, что охранители устоев в большей части смотрели в сторону России, тогда как за реформаторами российское общественное



мнение подозревало проанглийскую ориентацию (с. 85–86, на самом деле её точнее охарактеризовать как прояпонскую).

Вообще же, несмотря на попытки, предпринятые китайскими исследователями в последние годы, показать умеренность и осторожность Цыси, они пока не вполне убедительны, так как во всей её деятельности не просматривается никакой цельной идеологии, налицо только маневрирование между различными «партиями» и кровавые интриги, нацеленные на сохранение собственной власти. Вероятно, именно такая линия объясняет «конституционализм» Цыси, который диссертантка фиксирует с 1905 г. (с. 155), причем не как изменение её взглядов, а как очередной зигзаг в политике. Кроме того, сам факт, что Цыси чаще всего реализовывала политический курс консерваторов, не стесняясь при этом в средствах, не позволяет признать за ней значительного реформаторского потенциала.

Так, жёсткая расправа в 1898 г. с инициаторами преобразований (шестеро были казнены, лишь самому Кан Ювэю и Лян Цычао удалось бежать из Китая) и беспрецедентное освидетельствование Гуансюя французским доктором Ж.-Ж. Матиньоном (в его заключении помимо диагнозов говорилось, что император при смерти и проживёт не более полугода) означали привычные для Китая казни противников, когда возникала угроза собственной власти (с. 85, 94 и далее). Аналогично Цыси маневрировала и во время восстания ихэтуаней, сначала поддержав их, предложив им уничтожить иностранцев и объявив войну державам (с. 110 и далее), а затем под их давлением разными путями лишив жизни руководителей повстанцев. Если она даже и опасалась вступить в прямой конфликт с мятежниками, как полагает диссертантка (с. 106), то все эти колебания отходили на задний план при угрозе лишиться власти уже из-за иностранцев. Любопытно, что в России в событиях 1900–1901 гг. стремились прежде всего видеть поддержку Цыси боксёров (с. 108), но вряд ли как игру в мятеж (с. 113–114, 118). Всё-таки британская пресса являлась для русских газет главным источником сведений о событиях в Китае, поэтому некоторая



рецепция её оценок была неизбежна, несмотря на то что англо-русские отношения тех лет переживали сильный всплеск враждебности (Фашодский инцидент и др.). Одновременно, как справедливо отмечает Ли Дунсинь, российская печать не обвиняла Цыси в организации либо руководстве восстанием, подчёркивая, что правительница Китая тайно помогала осаждённому мятежниками посольскому кварталу (с. 135–136).

В целом сложившаяся картина представлений о Цыси в России не позволяет говорить о каком-либо цельном её образе. Поэтому в главе 4 диссертации «“Русский образ” Цыси – императрицы и человека» (с. 159–180) справедливо сделан акцент на её внешних данных (отмечается, что до кануна своей смерти она сохраняла красоту), а также на её неизменной властности. Отсутствие точной информации мифологизировало императрицу, но в целом можно говорить о том, что доминирующее представление о ней соответствовало неким общим литературно-мифологическим установкам видеть в Цыси типичную представительницу восточного деспотизма с неограниченной властью, интригами и т.п. (косвенно это отражено в заключении – с. 186). Тем не менее общество и особенно власть относились к правительнице соседней империи подчёркнуто сдержанно и лояльно. Ли Дунсинь также справедливо констатирует стремление Цыси к установлению более тесных контактов с Россией, объясняя его, в частности, высокой оценкой устной договорённости между Лодыженским и Ли Хунчжаном о Корее, достигнутой в 1886 г. (с. 64). Однако это не вполне справедливо: она вызвала критические суждения с обеих сторон, не соблюдалась в полной мере. Представляется, что интерес к контактам с Петербургом возник в Китае позднее, в середине 1890-х гг., и был связан с критическим положением государства в связи с неудачной войной с Японией и трудностями в поиске союзника, о чём уже имеется значительная исследовательская литература.

Пять пунктов, выносимых на защиту, в общем возражений не вызывают. Однако декларируемая в пункте 4 общность России и Китая в представлении российской прессы в отношении «адаптации научно-

технического прогресса и его достижений, но без заимствования западных политических моделей» (с. 34) нуждается в некотором уточнении. Россия импортировала не только технику, но постоянно и плодотворно использовала европейский опыт в самых разных сферах, включая законодательство, социальные вопросы, сферу самоуправления. Даже реформе политического строя, проведённой в 1905–1907 гг., предшествовало изучение европейских парламентских институтов (поездка В.Ф. Трепова), причём следы заимствований давно отмечены исследователями (например, статья 87 новой редакции Основных законов). Да и в Китае шёл аналогичный процесс: так, в 1905 г. Цыси решительно отменила многовековую систему экзаменов, что явилось, по мнению историков, едва ли не важнейшей причиной Синьхайской революции, и пообещала Срединной империи конституцию, что никак не укладывается в рамки научно-технического прогресса.

Выводы, к которым пришла диссертантка, представляются вполне обоснованными. Она справедливо отметила динамику в представлениях российского общества о Цыси, противоречивость и некоторую неопределённость её образа, когда значительное количество информации о ней не имело достоверного характера, а индивидуальные черты правительницы замещались общими мифами о деспотичной правительнице Востока. Всё это важно для более точного понимания того, как к началу XX в. в России формировался образ крупнейшего восточного соседа.

Следует отметить некоторые частные замечания и опечатки.

С. 29 – у Позднеева и Покотилова перепутаны инициалы. На с. 146 они приведены правильно.

С. 41 – даётся цитата из воспоминаний (!) Цыси, а сноска отсылает к «Собранию анекдотов династии Цин» (!).

С. 49 – Кумани – А.М., а не А.К.

В целом проделанная работа и её результаты показали способность Ли Дунсинь проводить самостоятельное историческое исследование и получать достоверные выводы, умение работать с источниками как на русском, так и



на китайском языке. Необходимо отметить и серьезную апробацию диссертации, одна из работ автора опубликована в высокорейтинговом издании. Автореферат отражает содержание всей работы.

Таким образом, диссертация Ли Дунсинь отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

В силу сказанного выше Ли Дунсинь заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой истории России, заместитель директора по научной работе ФГБУН Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук

Лукоянов Игорь Владимирович

6 сентября 2024 г.

Контактные данные:

тел.: +7 (812) 235-15-80, e-mail: info@spbiiran.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – Отечественная история

Адрес места работы: 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская улица, д. 7. Тел.: +7 (812) 235-15-80. E-mail: info@spbiiran.ru

Подпись Лукоянова И.В. заверяю:

Подпись (и) *Лукоянова И.В.*  
 удостоверяю  
*М.А. Лукоянов*  
 СПб ИИ РАН  
 06.09.2024

